

И. Е. Ерыкалова¹

КУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В СТИХОТВОРЕНИИ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА «СОЛОМИНКА» (Опыт прочтения чернового варианта)

Работа с черновым вариантом произведения — это не столько попытка дешифровки, сколько попытка его прочтения. В черновой рукописи стихотворения О. Э. Мандельштама «Соломинка» на одном листе можно выделить два слоя текста, и если рассматривать их целиком, как одно поэтическое целое, то это два разных стихотворения, сопоставительный анализ которых может привести к определенным выводам и в «культурологической сфере».

Стихотворение «Соломинка» было впервые опубликовано в 1917 г. в альманахе «Тринадцать поэтов» с датой «декабрь 1916-го». Стихотворение тоже датируется декабрем 1916 г. «Соломинка» посвящена Саломее Андрониковой, которой посвящен и «Мадригал», также датированный 1916 г.:

Дочь Андроника Комнена
Византийской славы дочь!
Помоги мне в эту ночь
Солнце вызволить из плена².

А. Ахматова писала, что Саломею Андроникову Мандельштам «обессмертил в книге “Tristia” —

¹ Доцент кафедры журналистики СПбГУП, кандидат искусствоведения.

² Цит. по: Харджиев Н. И. Примечания // Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973. С. 272.

“Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне...” Я помню эту великолепную спальню Саломеи на Васильевском острове»³.

Сохранившаяся черновая рукопись «Соломинки», воспроизведенная Н. И. Харджиевым в книге «О. Э. Мандельштам» (серия «Библиотека поэта»)⁴, значительно отличается от окончательного текста. Харджиев дает в комментариях к стихотворению свое прочтение третьей и пятой строфы черновой рукописи:

И к умирающим склоняясь в черной рясе
Заиндевелых роз мы дышим белизной.
Что знает женщина одна о смертном часе,
Клубится полог, свет струится ледяной⁵.

Исправления Мандельштама в первоначальном тексте он учитывает как стилистические. Использование послойного метода чтения дает иной вариант первоначального текста, который можно рассматривать как первую редакцию, текст с внесенными исправлениями — как вторую. И. М. Семенко, исследовавшая рукописи О. Э. Мандельштама

³ Цит. по: Недошивин В. Прогулки по Серебряному веку. Дома и судьбы. СПб., 2005. С. 168.

⁴ Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973. С. 101.

⁵ Там же. С. 271–272.

1930-х гг., использовала именно метод послонного чтения, где каждый слой отражает некий этап творческой истории, исправления же демонстрируют рождение нового текста, расширение и изменение замысла, часто основанное на развитии метафоры и образа¹. Это тем более важно, что хронологически слои могут быть разнесены во времени. Так, сохранилось свидетельство молодого поэта Н. К. Чуковского, что будто бы О. Э. Мандельштам написал «Когда, соломинка, не спишь...» в комнате Дома ученых на берегу Невы недалеко от Зимнего дворца, куда его поселили уже после революции².

Первоначальный текст «Соломинки», написанный в декабре 1916 г., когда в доме князя Ф. Ф. Юсупова был убит заговорщиками Распутин, читается под слоем последующих исправлений. Его можно рассматривать как первую редакцию стихотворения:

Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне
И ждешь, бессонная, чтоб, важен и высок,
Спокойной тяжестью, — что может быть
печальней, —
На веки чуткие спустился потолок.

В часы бессонницы предметы тяжелее,
Как будто меньше их — такая тишина;
Мерцают в зеркале подушки, чуть белея,
И в круглом омуте кровать отражена.

Шуршит соломинка в торжественном атласе
В высокой комнате над пышною рекой,
Что знает женщина одна о смертном часе,
Клубится полог, свет струится ледяной.

Соломка звонкая, соломинка сухая,
Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,
Сломалась милая соломка неживая
С огромной жалостью, с бессонницей своей.

Где голубая кровь декабрьских роз разлита
И в саркофаге спит тяжелая Нева,
Шуршит соломинка — соломинка убита.
Что если жалостью убиты все слова!³

В этом тексте слова «Что знает женщина одна о смертном часе» являются не вопросом, а утверждением — это то, о чем шуршит соломинка. Действительно, в самой рукописи нет знака вопроса: в ней всего два знака препинания — тире в строке «Шуршит соломинка — соломинка убита» и восклицательный знак в финале.

Образ круглого омута и зеркала во второй строфе и сам образ соломинки восходят к стихотворению Мандельштама 1910 г. «В огромном омуте прозрачно и темно...», где так же, как и в «Соломинке», возникает картина наполненной предрасветными сумерками комнаты. Омут можно трактовать как образ личной судьбы поэта, образ языческого прошлого. Это также образ глубины времени, который восходит к «Реке времен...» Г. Р. Державина. В «Соломинке» действие происходит «в высокой комнате над пышною рекой». Зеркало — известный мистический атрибут погустороннего мира, связанный с прозрением, в «Соломинке» превращается в зеркало-омут. Сумрак вечного времени, сгустившегося в комнате, окутавшей поэта, времени, в описываемый

момент отъединенного от внешнего мира, но готового в него излиться и погрузить поэта в хаос, — ключевой образ второй строфы «Соломинки».

В стихотворении «В огромном омуте прозрачно и темно...» с соломинкой сравнивается сердце поэта, которое всплывает из омута:

То — всею тяжестью оно идет ко дну,
Соскучившись по милому иле,
То — как соломинка, минуя глубину,
Наверх всплывает без усилий⁴.

Несомненно, как и в 1910 г., в стихотворении декабря 1916 г. сломавшаяся соломинка — символ тревоги и ностальгии любви. Но в 1916 г. этот образ обогащен контекстом исторических событий и контекстом творчества самого Мандельштама и его современников, равных ему поэтов, создающих единый поэтический текст времени. В «Ошибке смерти» В. Хлебникова, изданной незадолго до написания «Соломинки», в ноябре 1916 г., и, возможно, давшей толчок к воспоминанию о сердце-соломинке, *двенадцать* посетителей пьют через соломинку из кубка смерти⁵. В «Соломинке» «двенадцать месяцев поют о смертном часе». Известно также стихотворение А. Ахматовой «Как соломинкой пьешь мою душу...». В 1916 г. образ соломинки обогащается новым содержанием — темой смерти и христианской души. Ужасные жертвы Первой мировой войны и предчувствие катастрофических событий в России пронизывали «голубой воздух» Петербурга декабря 1916-го — января 1917 г.

Помимо контекста творчества Мандельштама и контекста времени, существует также контекст произведений, связанных с именем Саломеи Андрониковой. Их, несомненно, пронизывает единая идея.

Первоначальный текст «Соломинки», созданный в последний месяц 1916 г., своей темой и системой образов более всего связан с «Мадригалом» Мандельштама, написанным в том же году и адресованным также Саломее Андрониковой⁶. Строки «Мадригала» «Помоги мне пышность тлена / Стройной песнью превозмочь...» отзвучат в «Соломинке», следующим стихотворении, посвященном Саломее Андрониковой, повторением мотивов, вместе с которыми в текст включается комплекс идей «Мадригала»: византийской славы, исторического масштаба, гибели империи. Образ «пышности тлена» возникает во второй и пятой строфах первоначальной рукописи «Соломинки», которые затем более всего подверглись переработке: «Шуршит соломинка в торжественном атласе / В высокой комнате над пышною рекой / Что знает женщина одна о смертном часе...» (3-я строфа); «Где голубая кровь декабрьских роз разлита / И в саркофаге спит тяжелая Нева» (5-я строфа). Один из последователей И. Ф. Анненского, Мандельштам эстетизировал процесс умирания. Постоянство мотива «пышности тлена» у Мандельштама подчеркивает, в частности, образ из перевода сонета Петрарки, сделанного в 1932 г. после смерти Андрея Белого: «Чьи золотые жилы в жирном тлене». И. М. Семенко сообщает: «На автографе помета: “Заключено после смерти Б. Н. Бугаева”»).

¹ Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама. М., 1997. С. 100.

² Недошвин В. Указ. соч. С. 168.

³ Мандельштам О. Указ. соч. С. 101.

⁴ Там же. С. 100.

⁵ Харджиев Н. И. Комментарии // Мандельштам О. Сочинения. М., 1980. С. 200.

⁶ Мандельштам О. Сочинения. М., 1980. С. 100.

Исправления, сделанные Мандельштамом в рукописи, усиливают мотив смерти, связанный с образом «голубой крови», аристократии, гибель которой он предчувствует. Исправлениям больше всего подвергаются третья и пятая строфы черновой рукописи. Сначала исправляются первая, третья и четвертая строки третьей строфы. От любовной темы поэт явно движется к теме исторических событий:

И умирающих в торжественном атласе
Заиндевелых роз мы дышим белизной.
Двенадцать месяцев поют о смертном часе,
Декабрь торжественный струится над Невой.

Затем первая строка исправляется еще раз, и появляется образ священника как символ православной церкви и бессмертия. Возможно, в этом образе проступают черты «старца»:

И к умирающим склоняясь в черной рясе,
Заиндевелых роз мы дышим белизной.
Двенадцать месяцев поют о смертном часе.
Декабрь торжественный струится над Невой.

В этом виде строфа вошла в окончательный текст «Соломинки», который был значительно переработан поэтом. Черновая рукопись с 1-й и 2-й редакциями — лишь начало пути.

Еще более отчетливо связана с темой гибели монархии пятая строфа. Уже в 1-й редакции текста Мандельштам включает в нее образы «голубой крови» — символа аристократии, частицей которой была Саломея, — и саркофага, который связан не только с древней историей фараонов Египта, но и с музеем Зимнего дворца. Его ностальгия связана с финалом цивилизации. Первые две строки пятой строфы:

Где голубая кровь декабрьских роз разлита
И в саркофаге спит тяжелая Нева.

Мандельштам, сделав помету в тексте, исправляет внизу рукописи на:

*И голубая кровь струится из гранита,
Как будто в комнате тяжелая Нева,
Шуршит соломинка — соломинка убита.
Что если жалостью убиты все слова!*

Первоначальное «Свет струится ледяной» превращается в «Декабрь торжественный струится» и «Голубая кровь струится». Струящееся время накладывает отпечаток неумолимости, вечного закона на предстоящие в омертвевшей империи перемены. Предчувствие перемен содержит и страх катастрофы, и осознание ее неизбежности и естественности — подобные события повторяют катастрофы Рима и Византии, образ которых возникает в «Мадригале». Гибель аристократии поэт предчувствует, размышляя о судьбе Саломеи, имя которой в «Мадригале» связывает с именем византийского императора Андроника Комнена, а в контексте поэзии Мандельштама становится символом творчества. В окончательном тексте стихотворения «Соломинка» исчезает неподвижность страха, связанного с ужасным предчувствием. Детали ужаса, уже освоенные поэтом, олицетворяются, обретают жизнь: «Декабрь торжественный струит свое дыхание...»

На этом же листке с черновой рукописью «Соломинки»¹ написано стихотворение «Собирались

эллины войною...» о греческом острове Саламине, которое обычно связывают с нелюбовью Мандельштама к Англии. Возможно, в размышлениях о предстоящей катастрофе как продолжение сюжета оно содержит в себе мотив бегства от нее. Однако, как известно, даже царской семье не удалось бежать в Англию морем, на корабле, к семье столь похожего на царя внешне английского монарха Георга V. Завершается сюжет катастрофы и бегства от нее в стихотворении Мандельштама «Ариост» (1934): «В Европе холодно. В Италии темно. / Власть отвратительна, как руки брадобрея». Этот сюжет хорошо понял Иосиф Бродский, начавший с описания цирюльни свою «Империю». Уничтожение аристократии, смена власти, революционная катастрофа всегда влекут за собой уничтожение культуры.

Как известно, Саломея покинула Россию после революции вместе с Зиновием Пешковым — братом Я. Свердлова, усыновленным когда-то А. М. Горьким. Он стал впоследствии генералом французской армии. Мандельштаму не удалось бежать от катастрофы. В 1920 г. он добрался до Батумского порта, откуда уходили корабли в Константинополь — в порту его встретил также пытавшийся уехать М. Булгаков, описавший эту встречу в «Записках на манжетах».

Работа над первоначальным текстом позволяет в некоторой степени понять направление и ход мысли поэта, проясняет первоначальный замысел, который, несомненно, связан с размышлениями о судьбе империи и династии. Тема умирания любви в «Соломинке» переплетается с темой гибели империи, эсхатологическими предчувствиями завершения истории, которые столь характерны для поэзии и русской жизни начала XX в.

Образ реки, как и в «Грифельной оде» (на это указывает исследователь рукописи поэмы И. М. Семенко), в поэзии Мандельштама связан с образом времени из стихотворения Г. Р. Державина «Река времен»:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

Омут Мандельштама ассоциируется с державинским «жерлом времени», которое поглощает царства и царей. В этом жерле времени и всплывает соломинка — христианская душа. (Пессимизм Державина в его предсмертном стихотворении, *сохранившемся до наших дней в его кабинете на грифельной доске*, по поводу бессилия «лиры и трубы» превозмочь смерть и забвение, у Мандельштама не носит столь окончательного характера: «стройная песнь» творчества может преодолеть «пышность тлена»).

Масштабность образов первого текста «Соломинки» — «торжественный атлас», «голубая кровь», «саркофаг», «пышная река» — проясняет смысл вопроса-утверждения «Что знает женщина одна о смертном часе» в черновой рукописи стихотворения Мандельштама: Саломея Андроникова, дама высшего света, знала, где назревали события. Князь

¹ Мандельштам О. Сочинения. С. 101.

Михаил Андроников был причастен к интригам политиков и двора. Был раскрыт заговор, вследствие которого царь должен был быть отстранен от власти, царица отправлена в монастырь, главнокомандующим должен был стать великий князь Николай Николаевич. Участники заговора уже были арестованы и наказаны. Членами императорской семьи планировалось убийство Григория Распутина, которое и произошло 16 декабря 1916 г. в подвале дома Ф. Ф. Юсупова на Мойке. Менее чем через два месяца, 26 февраля, произошла революция, 1 марта 1917 г. царь отрекся от власти. Автор «Ошибки смерти», математик и исследователь закономерностей исторического времени В. Хлебников в своих «Досках судьбы» точно указал дату отречения и крушения династии — 13 марта 1917 г.

Между третьей и четвертой строфами уже вписан ряд имен мистических героинь Э. По, О. Бальзака и Ф. М. Достоевского: «Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита», который можно рассматривать как набросок будущей переработки текста. Н. И. Харджиев связывает их появление с появившимся в 1915 г. в России переводом статьи Теофиля Готье, кумира акмеистов, о Шарле Бодлере. Эти имена символизируют «Вечно желанный и никогда не достижимый идеал». Однако в первоначальной рукописи они

еще вне поэтического текста, если рассматривать его в материальном смысле, как рукопись. Любовь-творчество, хрупкая соломинка, в чем-то подобная любви-творчеству в цикле «Эрос» Вячеслава Иванова, сообщает отношению к событиям необычайно личностный, ностальгический смысл.

В «Соломинке» явственен образ Петербурга как символа империи, России. Гранит обращает нас к пушкинскому контексту Петербурга из «Медного всадника»: «В гранит оделася Нева...» Он возвращает нас к «Мадригалу», посвященному Саломее: «Византийской славы дочь, / Помоги мне в эту ночь / Солнце вызволить из плена...»

Пушкинский образ солнца-разума — «Да здравствует солнце! Да скроется тьма!» — проясняет отношение Мандельштама к грядущим событиям. Исправляя четвертую строфу, поэт относит новую строку «Чья голубая кровь струится из гранита» — к Соломинке (здесь впервые поэт пишет слово с заглавной буквы) — строка явно соотносится с образом «недостижимого идеала». В окончательном тексте все образы 1-й редакции сохраняются. Окончательный текст «Соломинки» можно рассматривать как вариацию или «ответ» на тему гибели, явственно прозвучавшую во второй редакции черновой рукописи: «Нет, не Соломинка, Лигейя, Серафита...»